

Чшиев Владимир Таймуразович

МЕДИЦИНСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ В КАВКАЗСКИХ ДРЕВНОСТЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОБАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

Проблемы, касающиеся древней медицины Кавказа, до настоящего времени относятся к разряду малоизученных. В статье рассматриваются аспекты, связанные с врачеванием у кавказских племен в эпоху поздней бронзы - раннего железа. Целью работы является прояснение вопроса о предметах хирургии в древности. Впервые вводится в научный оборот и анализируется ряд атрибутов древней медицины из археологических раскопок автора. На примере заживления сложных ран, имевших место на черепе из захоронения в Верхнекобанском могильнике, реконструируются некоторые возможные приемы использования этих инструментов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77): в 2-х ч. Ч. 2. С. 205-209. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

15. Федотова Ю. Е. Оскорбление религиозных чувств верующих и уголовный закон: работа над ошибками // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). С. 199-205.
16. Федотова Ю. Е. Проблемные вопросы толкования статьи 148 Уголовного кодекса Российской Федерации // Человек. Религия. Право. Историческое самосознание и социально-политические реалии. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2015. С. 120-126.
17. Шлейермахер Ф. Д. Речи о религии: монологи. СПб.: Алетея, 1994. 336 с.

THEOLOGICAL STUDIES: ANALYSIS OF ACTIONS AIMED AT INSULTING BELIEVERS' RELIGIOUS FEELINGS

Chernyshkova Zoya Elifer'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Ivanova Evgeniya Vladimirovna, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Kuznetsova Olesya Vasil'evna

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin in Ekaterinburg
chernyshkova.zoya@yandex.ru; ieviev@mail.ru; olesyakzn@yandex.ru

The article analyzes the existing in the national theological science positions with regard to the concepts "believers' feelings", "insulting of believers' feelings". Believers' feelings are described and understood in the context of human religious experience. The paper attempts to consider elements of the phenomenon "insulting of believers' religious feelings". The emphasis is placed on lacunas in the Russian legislation in relation to the problem "insulting of believers' feelings", "publicity" of abusive actions.

Key words and phrases: theological studies; believers' feelings; insult; liberty of conscience; faith; publicity.

УДК 902/904

Исторические науки и археология

Проблемы, касающиеся древней медицины Кавказа, до настоящего времени относятся к разряду малоизученных. В статье рассматриваются аспекты, связанные с врачеванием у кавказских племен в эпоху поздней бронзы – раннего железа. Целью работы является прояснение вопроса о предметах хирургии в древности. Впервые вводится в научный оборот и анализируется ряд атрибутов древней медицины из археологических раскопок автора. На примере заживления сложных ран, имевших место на черепе из захоронения в Верхнекобанском могильнике, реконструируются некоторые возможные приемы использования этих инструментов.

Ключевые слова и фразы: древняя история Кавказа; кобанская археологическая культура; предметы материальной культуры древнекобанских племен, связанные с медициной.

Чшиев Владимир Таймуразович

Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ
hacht@mail.ru

МЕДИЦИНСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ В КАВКАЗСКИХ ДРЕВНОСТЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОБАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

Вопросы, связанные с изучением древней медицины Кавказа, и в частности врачевание у населения – носителей кобанской археологической культуры, относятся к разряду малоизученных. Связано это с рядом факторов, основным из которых является отсутствие письменных источников, освещающих эту тему. Однако предметы, связанные с медициной древних, в редких случаях, но встречаются в материалах кобанской культуры.

В 1996 году во время археологических раскопок Эльхотовского могильника кобанской культуры в погребении № 15 нами был обнаружен бронзовый предмет в виде овального ножа (см. Рис. 1, № 5). Эльхотовский могильник кобанской археологической культуры находится у с. Эльхотово Кировского района Республики Северная Осетия-Алания, на правом возвышенном берегу р. Терек, в зоне предгорий [7, с. 45]. Найденный предмет не имеет полных аналогий в обширных материалах кобанской культуры, однако обнаруживает близость с бронзовыми скальпелями (если быть точнее – ланцетами) Тлийского могильника [2, с. 255; 5, с. 120, рис. 93, № 1-2, 4].

Погребение № 15 (судя по скелету, скорее всего, здесь был похоронен пожилой мужчина) по обряду захоронения несколько отличается от остальных выявленных на эльхотовском могильном поле. Это выражается в том, что положение тела погребенного было сильно скорчено, ноги практически максимально поджаты, руки также сильно прижаты к груди. Отличает данное захоронение состав и количество сопровождавшего его погребального инвентаря. Все взрослые мужские погребения Эльхотовского могильника снабжены теми или иными предметами вооружения, часто – несколькими, а также достаточно большим количеством других сопутствующих предметов – оселки, кремневые огнива и др. Женские захоронения могильника характеризует большое количество разнообразных украшений (бронзовые браслеты, налкотники, гривны, бусы, как правило, нескольких типов и др.), а также предметы, связанные с трудовой деятельностью – пряслица, иглы, кремневые вставки для серпа. В отличие от них, погребальный инвентарь рассматриваемого нами захоронения № 15 представляет собой весьма скудный набор предметов. Кроме вышеупомянутого бронзового ножа, здесь находился типичный в целом для всех захоронений могильника керамический набор из кружки и черпачка, тулово которых украшено

резным геометрическим орнаментом. Кроме того, в захоронении найдены бронзовая небольшая (длина 25 мм) цилиндрическая витая пронизь (в ногах у погребенного), три бусины колесовидной формы из непрозрачной стеклянной пасты белого цвета, в области среднего отдела позвоночника – небольшая цилиндрическая бронзовая трубочка. У правого локтя погребенного находилась бронзовая стержневидная булава с раскованным и закрученным в трубочку навершием, в области груди – бронзовая крестовидная пуговица с заостренными концами и отверстием в центре (см. Рис. 1, № 1-4, 6-9).

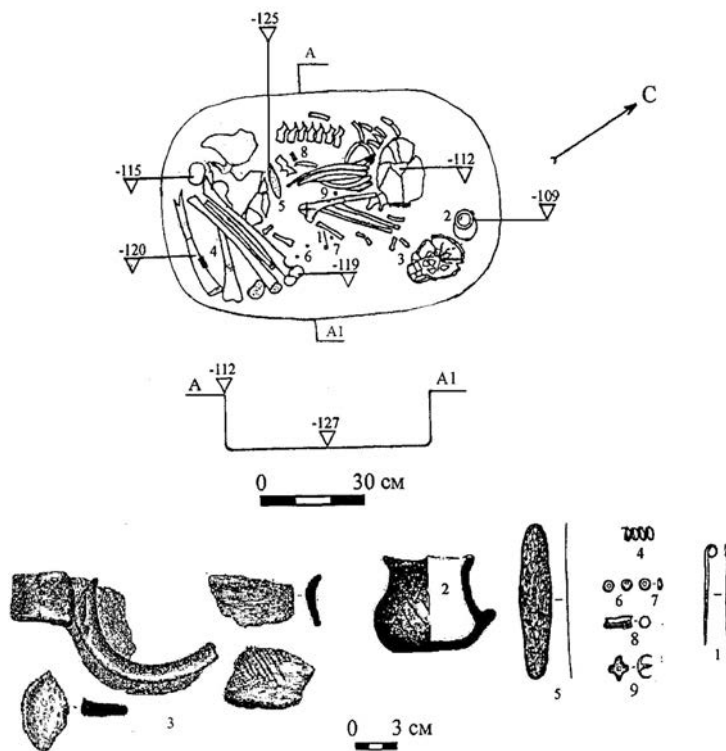

Рис. 1. Погребение № 15 Эльхотовского могильника: 1 – булава; 2 – сосуд; 3 – развал сосуда; 4 – пронизь; 5 – нож-ланцет; 6, 7 – бусы; 8 – трубочка; 9 – крестовидная пуговица (1, 4-5, 8-9 – бронза, 2-3 – керамика, 6-7 – стекло)

Рассматриваемая нами специально категория погребального инвентаря из захоронения № 15 представляет собой бронзовый плоский небольшой нож вытянуто-овальной формы без следов рукоятки или кожаной обмотки. Длина ножа 99 мм, макс. ширина 21,5 мм; толщина 1,5 мм (см. Рис. 1, № 5). На наш взгляд, данный предмет использовался в медицинских целях в качестве скальпеля/ланцета. К этому нас склоняет небольшая толщина предмета (1,5 мм в средней части), что исключает его использование в хозяйственных целях. Возможно также, что он выполнял и функции ножа, но использовавшегося для каких-то особых (ритуальных?) случаев.

Как отмечалось выше, полных аналогий эльхотовскому ножу из погребения № 15 в материалах кобанской культуры не обнаружено. Однако по форме и материалу он близок ножам-ланцетам, имевшим место в погребениях Тлийского могильника (раскопки Б. В. Техова) южной группы центрального варианта кобанской культуры [2, с. 255; 6, с. 120, рис. 93, № 1-2, 4] (см. Рис. 2).

Профессором Б. В. Теховым они атрибутируются как инструменты, связанные с медициной [6, с. 120, рис. 93, № 2, 4]. В частности, как отмечает исследователь, «лезвия этих инструментов настолько остры, что ими можно было сделать примитивную операцию...» [Там же, с. 119]. Ланцеты Тлийского могильника представляют собой овальные бронзовые обоюдоострые ножи, один конец которых заканчивается заостренным стержнем. По мнению Б. В. Техова, заостренные концы ланцетов использовались для того, чтобы «вскрыть нарыв или выпустить кровь» [Там же]. Всего в погребениях Тлийского могильника найдено пять ножей-ланцетов, по одному в погребении. Форма трех из пяти тлийских ножей-ланцетов (если не считать наличие стержня) совпадает с эльхотовской [Там же, с. 120, рис. 93, № 1-2, 4].

Важной особенностью эльхотовского ножа-ланцета является то, что он остро заточен по всему внешнему периметру. Поэтому возникает вопрос о том, как его держали в руке при использовании. Возможно, его зажимали в кисти пальцами так, чтобы противоположная режущая кромка не касалась ладони. Во всяком случае, в результате проведенного нами эксперимента нож из эльхотовского погребения № 15 даже в современном состоянии (покрыт патиной) легко разрезал неплотные материалы – тонкую кожу, пластиковый пакет, тонкую ткань.

Интересно также, что, как отмечает Б. В. Техов, тлийские погребения, в которых были найдены бронзовые ножи-ланцеты, содержали кроме всего прочего и многочисленные предметы, связываемые с древней магией. Баграт Виссарионович называет их «могилами знахарок» [Там же, с. 119]. По мнению исследователя, «такое обилие ритуальных предметов связано с тем, что “врачебная” практика знахарок представляла собой переплетение приемов народной медицины с колдовскими действиями. С помощью амулетов и вотивных фигурок

знахарки старались усилить воздействие колдовства» [Там же]. Следует отметить, что захороненного в эльхотовском погребении № 15 затруднительно отнести к категории воинских погребений, каковыми являются остальные мужские захоронения могильника, по причине, как мы отметили выше, резкого отличия в наборе погребального инвентаря, типичного для последних. По этим признакам рассматриваемое нами погребение принадлежало к другой категории древнего населения, оставившего Эльхотовский некрополь, – категории, в функции которой входило врачевание, а не участие в военных действиях или охоте.

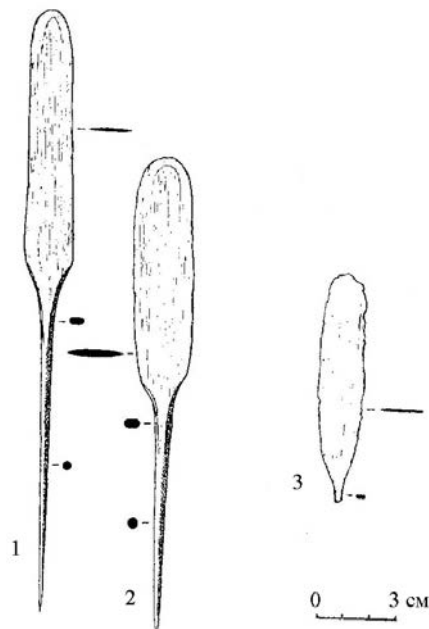

Рис. 2. Бронзовые ножи-ланцеты Тлийского могильника

Еще одну серию предметов материальной культуры древнекобанского общества, связанную с врачеванием, составляют бронзовые пинцеты [2, с. 255; 4, с. 150, табл. III, № 39; 6, с. 121, рис. 94, № 1-6] (см. Рис. 3). В Тлийском могильнике найдено 6 бронзовых пинцетов. Пять из них находились в мужских могилах, поэтому затруднительно отнести их к атрибутам косметологии. Шестой является случайной находкой. Внешняя поверхность предметов украшена гравированным орнаментом, преимущественно изображением змеи.

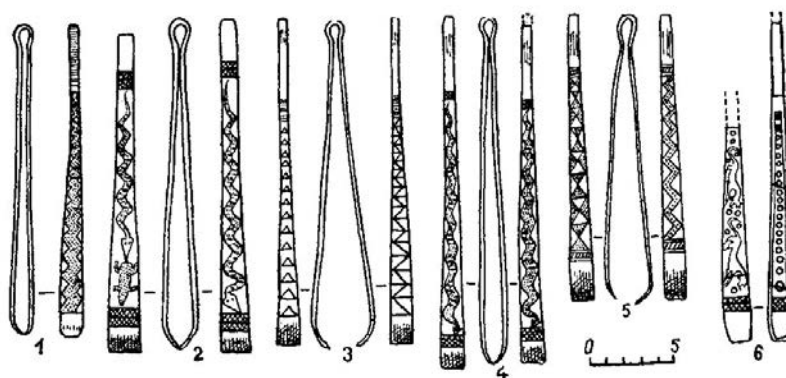

Рис. 3. Бронзовые пинцеты Тлийского могильника

«По технике изготовления пинцеты однотипны. Кончики лопастей аккуратно загнуты внутрь, так что при нажатии на обе лопасти они наглухо смыкаются...» [6, с. 120]. В период широкого освоения железа в тлийских комплексах появляются железные пинцеты, полностью повторяющие форму бронзовых [Там же]. Известны бронзовые пинцеты и в Верхнекобанском могильнике, где они аналогичны по форме тлийским находкам, а также в материалах Этокского и Гунделенского могильников [3, с. 183, табл. XXVII, № 1-2, 4].

Уже А. Л. Лукин (1956 г.) связывал кавказские бронзовые пинцеты эпохи поздней бронзы – раннего железа с хирургической практикой. По мнению ученого, они использовались для извлечения из раны стрел [5, с. 131]. Как отмечалось выше Б. В. Теховым, эти предметы также связываются с медициной древних. «Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, бронзовые пинцеты должны быть связаны с хирургической практикой (хотя не исключена и возможность их применения в бронзолитейном производстве)» [6, с. 122].

В. И. Козенкова также относит бронзовые пинцеты кобанской культуры к «предметам лечебной практики» [3, с. 183, табл. XXVII].

По мнению профессора М. Г. Домба, бронзовые пинцеты, а также, возможно, ланцеты использовались древне-кавказскими племенами для лечения черепных ран, нанесенных известными боевыми топорами-секирами кобанской археологической культуры. В подтверждение своего мнения Моисей Григорьевич приводит в своей работе фотографию черепа из мужского воинского погребения Верхнекобанского могильника с раной, нанесенной таким топором (или булавой) и имеющей следы хирургического вмешательства и заживления [1, с. 23-24, рис. 11-12] (см. Рис. 4-5).

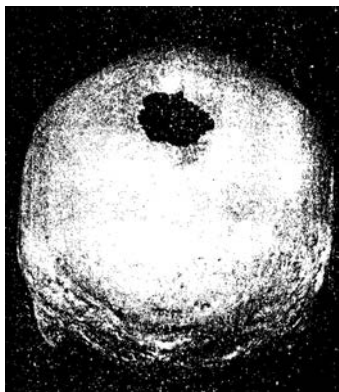

Рис. 4

Рис. 5

Приведем описание черепа, извлеченного из погребения кобанской археологической культуры в селении Верхний Кобан (горная Осетия), данное М. Г. Домба, так как оно представляет интерес не только для нашей темы, но и с точки зрения антропологии древних племен Кавказа. «Мужской череп: Общая характеристика. Череп больших размеров... Сохранены превосходно все кости, кроме разрушенных боковых пластинок решетчатой кости и обеих слезных. На костях свода – три повреждения, несомненно, прижизненного происхождения... Наблюдается значительное заращение швов. Сагиттальный шов закрыт на всем протяжении: ламбовидный – в своей средней трети; венечный – в средней трети и в темпоральных сегментах. С внутренней поверхности все швы черепного свода заращены почти полностью» [Там же, с. 20]. «Лицевая норма: Лицо широкое, низкое; орбиты большие, высокие. Лоб высокий, с выраженными лобными буграми. Весьма крупные носовые кости при сравнительно малом грушевидном отверстии. От правого надглазничного отверстия вверх по чешуе лобной кости тянется линейная вдавленная борозда, очень похожая на борозду аномально развившейся сосудистой ветви. В верхней половине чешуи... **расположен значительной величины круглый рубец** (выделено автором статьи – В. Ч.). Затылочная норма: Почти вся задняя половина теменной области симметрично по линии стрелкового шва занята круглой раной – пробойной. Соответственно вершине ламбовидного шва расположен... **круглый рубец** (выделено автором статьи – В. Ч.) (см. Рис. 4). Вертикальная норма: Форма черепа мезокринал. Тип его, по классификации Сержи, пентагоноидный. При осмотре сверху одновременно видны все три повреждения свода – **глубокий лобный рубец, сквозная задне-теменная рана и весьма поверхностный затылочно-теменной рубец** (выделено автором статьи – В. Ч.)» [Там же, с. 24]. Описанные раны со следами заживления наглядно видны на приводимой М. Г. Домба в его труде фотографии на странице 24 (см. Рис. 5). Исследователь приходит к выводу, что череп принадлежал «мужчине большого роста, могучего телосложения, получившего при жизни три повреждения костей черепного свода и, тем не менее, дожившего до весьма преклонного возраста» [Там же, с. 26].

Скрупулезное исследование нанесенных ранений привело профессора М. Г. Домба к мысли, что они нанесены, как отмечалось выше, лезвием и молоточной частью боевого топора или булавой – наиболее типичных предметов вооружения древних «кобанцев» [Там же, с. 70-74].

Рассмотренный пример заживления сложных ран, изученный и опубликованный профессором Домба, свидетельствует, что врачевание в среде племен кобанской культуры имело место. Представляется, что ножами-ланцетами типа описанных выше раны вскрывались или при необходимости расширялись. Пинцетами извлекались осколки раздробленной кости. После чего, вероятно, рана обрабатывалась какими-то антисептиками, возможно, растительного происхождения.

Список источников

1. Домба М. Г. По материалам древних погребений Северной Осетии. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1966. 92 с.
2. Козенкова В. И. Кобанская культура Кавказа // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР / отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 252-267.
3. Козенкова В. И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // Свод археологических источников / ред. Б. А. Рыбаков. М.: ИА РАН, 1998. Вып. В 2-5. Т. 5. 200 с.
4. Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // Свод археологических источников / отв. ред. Н. Л. Членова. М.: Наука, 1982. Вып. В 2-5. 175 с.

5. Лукин А. Л. Ешерская находка // Труды Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории имени Д. Гулиа. Сухуми, 1956. Вып. XXVII. С. 98-145.
6. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М.: Наука, 1977. 238 с.
7. Чшиев В. Т. Эльхотовский могильник кобанской культуры – новый памятник истории Северной Осетии эпохи поздней бронзы // Материалы и исследования по археологии России / отв. ред. М. П. Абрамова, В. И. Марковин. М.: ИА РАН, 2001. Вып. 3. С. 45-51.

**MEDICAL INSTRUMENTS IN CAUCASIAN ANTIQUITIES
(BY THE MATERIALS OF THE KOBAN ARCHEOLOGICAL CULTURE)**

Chshiev Vladimir Taimurazovich

*Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania
hacht@mail.ru*

Problems concerning ancient Caucasian medicine are still poorly investigated. The article examines aspects associated with medical treatment among Caucasian tribes in the Late Bronze – Early Iron Age. The paper aims to clarify on surgery instruments in antiquity. The author introduces into scientific use and analyzes certain attributes of ancient medicine from his archeological excavations. By the example of treating complicated wounds on a skull from the Upper Koban burial ground the researcher reconstructs possible techniques to use these instruments.

Key words and phrases: ancient history of Caucasus; Koban archeological culture; items of ancient Koban material culture associated with medicine.

УДК 1; 930.1

Философские науки

Данная статья посвящена философскому осмыслению понятия исторического нарратива. Тема является актуальной, так как в новой исторической ситуации возрастающий интерес к нарративу становится базовой тенденцией многих философско-исторических исследований. Выявлены и описаны особенности возвращения к истории как повествованию, где в историческом сознании исторические работы стали пониматься не как строго научные, а как произведения искусства. Значительное внимание уделяется переосмыслению нарратива в рамках феноменологической традиции и герменевтики П. Рикера.

Ключевые слова и фразы: нарратив; философия истории; нарративный поворот; феноменология; рекурсивность.

Эльдарион Артур Артурович

*Морской государственный университет имени адмирала Г. И. Невельского, г. Владивосток
arthorius_mag@mail.ru*

**«НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Как указывает В. Н. Сыров, движение литературы навстречу «реалистичности» заставило мыслителей снова актуализировать тему соотношения литературы и истории и переосмысливать критерии их различения. Проблема усиливалась одновременной дискредитацией к концу XIX века попыток позитивизма предложить «научное» толкование исторического процесса в лице идеи закона и крахом усилий философии истории в целом отстоять универсальный принцип толкования истории в лице идеи прогресса [16, с. 101]. Становится понятным, что на сегодняшний день вопрос о сходстве истории и литературы снова выходит на первый план, однако отличительные особенности нарративного характера истории следует искать не в содержании материала, а в принципах его построения и дальнейшей реализации в рамках коммуникативного взаимодействия на уровне «автор – читатель» или «нарратор – наррататор».

Интерес к нарративному характеру истории вновь стал актуальным, когда во второй половине XX века заговорили о текстуализации реальности – одном из важнейших моментов в постструктуралистских и постмодернистских теориях. В нашем случае речь идет о текстуализации прошлого, внимание акцентируется на том, что прошлое не существует вне рассказа, конструируется как рассказ и поддается только нарративному пониманию. Восприятие исторического прошлого как нарративного конструкта проявилось, в первую очередь, в структуралистских и постструктуралистских культурологических концепциях М. Фуко [18] и Р. Барта [3]. При этом внимание уделялось тому, что прошлое доступно нам только в форме повествования: а это архивы, документы, дискурсы. По мысли Р. Барта, письмо не может «представлять» или «изображать» ничего такого, что существовало бы до акта письма [Там же]. «Существует только текст – говорят новейшие течения истории, такие как американский *New Historicism*, согласный в этом плане с теорией интертекстуальности» [8, с. 259]. Кроме того, следуя мысли А. Про, прошлое перестало восприниматься как разлитое в настоящем и потому доступное пониманию, оно стало оцениваться как абсолютно непостижимое, непроницаемое для современного сознания [13, с. 245].